Шпагин С. А.

СЛАВЯНОФИЛЫ О МЕСТЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/113.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 250-251. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

СЛАВЯНОФИЛЫ О МЕСТЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Шпагин С. А.
Томский государственный университет

При анализе проблем взаимодействия власти и общества в России невозможно пройти мимо той особой роли, которую играет в этом взаимодействии отечественная интеллигенция. Давно отмечено, что русская интеллигенция очень часто занимала оппозиционное место в политической жизни российского общества.

Анализ истоков политической и духовной оппозиционности русской интеллигенции приводит многих исследователей к выводу о том, что важную роль в ее проявлении сыграла сама российская власть. «Интеллигенция есть часть народа, занимающаяся умственным трудом, и только в силу исторических неприятностей берущая на себя дополнительную заботу – политическую оппозиционность, - пишет М.Л. Гаспаров. – В России, где монопольная власть до последнего момента не желала идти на уступки, оппозиционность поневоле стала постоянной ролью одного и того же общественного слоя – чем-то вроде искусства для искусства» [Русская... 1999: 11]. Впрочем, в царской России и само искусство вынужденно политизировалось. Не имея возможности открыто участвовать в обсуждении актуальных социальных проблем и выработке правительственного курса, интеллигенция делала это косвенно в гуманитарной сфере. Будущий славянофил И.В. Киреевский в начале 1830-х гг. осторожно намекал на это в первом номере своего журнала «Европеец»: «Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилом их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература» [Киреевский 1979: 102]. Намек оказался пророческим: на втором номере журнал закрыли, и его автор надолго оказался «избавлен от необходимости» заниматься не только политикой, но и литературой. Но жесткость репрессий и гонения на свободомыслие парадоксальным образом не пресекали, а скорее подхлестывали оппозиционность.

Однако одной только оппозиционностью отношение интеллигенции к российской власти не ограничивается. Сама интеллигенция осознавала и своеобразно осмысливала свою генетическую связь с властью. Как справедливо отмечает И.В. Кондаков, «именно русское самодержавие, со всеми его характерными чертами внешне европеизированного восточного деспотизма, - настоящий автор... интеллигенции, со всеми вытекающими отсюда чертами и последствиями. Главным из них стало двойственное отношение интеллигенции к власти – одновременно сочувственное и возмущенное, доверительное и критическое» [Русская…1999: 86]. Такое восприятие власти с психологической точки зрения предполагает неосознанную или даже сознательную зависимость интеллигенции от нее.

Вероятно, причиной такого амбивалентного отношения к власти было не только осознание собственной природы, но и ощущение той культурной дистанции, которая отделяла интеллигенцию от народа. Впервые эта дистанция была выявлена в творчестве русских славянофилов XIX в. Согласно их концепции культурной эволюции, впервые сформулированной И.В. Киреевским, эпоха единого развития европейской цивилизации завершилась в XVIII в., после чего передовые страны мира перешли на новый уровень – на стадию дифференциации, проявления оригинальных национальных культур [Киреевский 1982: 76, 80, 130]. Для России, по мнению славянофилов, этот переход оставался невозможен до тех пор, пока ее «образованные классы» оторваны от народа и сориентированы исключительно на европейские культурные ценности.

Другой славянофил А.С. Хомяков обратил внимание на изначальное присутствие в истории Древней Руси двух различных способов социальной интеграции – общины и дружины. Община – это не просто объединение крестьян, совместно ведущих хозяйство, это сообщество, укорененное на земле и связанное общими культурными традициями. Дружина же – это «государевы люди», коллектив воинов, не связанных не только с землей, но и с народной культурой. «Как бы ни была эта дружина близка по своему происхождению и обычаям к славянам, как бы ни пополнялась она впоследствии местными стихиями; она была по своему коренному значению и положению в обществе чужда земле и основана на иных началах, чем туземные общины», - писал лидер славянофилов [Хомяков 1911: 221]. По его мысли, в дальнейшем, с принятием христианства этот разрыв между дружиной и общиной, аристократией и народом не сократился, а напротив, усилился и послужил социальной основой разобщения русской культуры [Хомяков 1911: 241-242].

В дальнейшем отчуждение от народа стало характерной чертой социокультурного облика российского образованного класса. На раскрытии истоков, сущности и перспектив этого отчуждения сосредоточил свое внимание еще один идеолог славянофильства – К.С. Аксаков. По его мнению, в ходе петровских реформ в России из культурно единого прежде народа выделилась «публика» - слой носителей заимствованных ценностей и форм поведения: «Публика — явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом: выписывает оттуда всякие, и материальные, и духовные, наряды, преклоняется пред ним как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за это огромною ценою – временем, связью с народом и самою истиною мысли» [Аксаков К.С. 1995:402]. Естественно, что сравнение «публики» и народа в таком контексте дает весьма резкий контраст, и отнюдь не в пользу первой: «Публика является над народом как будто его привилегированное выражение; в самом же деле публика есть искажение идеи народа... Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что принимается чужое – принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совер-

шенно самостоятелен; а если что и примет чужое, то сделает своим, *усвоит*. У публики *свое* обращается в чужое. У народа *чужое* обращается в свое» [Аксаков К.С. 1995: 402].

Таким образом, генетически К.С. Аксаков выводил «публику» из самого народа, а ее качественное отличие находил в разрыве с национальными традициями, в неорганическом, заимствованном характере ценностей. Несложно заметить, что тем самым славянофильский публицист предвосхитил многие критические замечания в адрес интеллигенции в XX в. При этом он даже не указывал прямо на то воздействие, которое оказала самодержавная власть на происхождение «публики». Однако эта мысль легко считывается из логики его рассуждения. А дальше следуют идеологические выводы, которые власть довольно быстро сделала: процитированная выше статья «Опыт синонимов. Публика – народ» (1857) стала поводом к запрещению славянофильской газеты «Молва».

Впрочем, позиция самого К.С. Аксакова по отношению к власти была типичной для русской интеллигенции: с одной стороны – резкой, жесткой, критической, а с другой – готовой к сотрудничеству. Так в письме брату И.С. Аксакову осенью 1856 г. он заявлял, что, начиная с «эпохи, которая известна под именем петровского преобразования» в основе устройства России лежит деспотизм; правительство, лишая граждан свободы общественного мнения, «обращало людей или в скотов, или в рабов, или в детей» [Цит. по: Кириченко 1989: 63]. Тем не менее, именно к царю К.С. Аксаков обратился в 1855 г. с известной запиской «О внутреннем состоянии России», где подробно изложил свою теорию «безгосударственности» русского народа.

Согласно этой теории, русское общество было изначально структурно разделено на «землю» (народ, «земщину», «общину») и «государство» (власть, «служилых людей» или «дружину» в терминологии Хомякова). Однако в допетровский период русской истории отношения «земли» и «государства» казались Аксакову гармоничными, основанными на принципах взаимного невмешательства и взаимной поддержки [Аксаков К.С. 1996: 168-169]. Но в дальнейшем эти отношения изменились: «Государство, в лице Петра, посягнуло на народ, вторгнулось в его жизнь… Правительство, а с ним и верхние классы, отдалилось от народа и стало ему чужим» [Аксаков К.С. 1996: 173-174]. Отдалившиеся от народа «верхние классы» в терминологии Аксакова – это конечно дворянство, европейски образованное общество, т.е. «публика». Но главное в его построениях то, что культурный раскол в России охватил уже не только социальную, но и властно-политическую организацию общества. И Аксаков призывал этот раскол преодолеть, опасаясь окончательного крушения социального порядка.

Неудивительно, что с подобными признаниями и призывами славянофилы обращались именно к верховной власти. Ожидать понимания со стороны западнически настроенной публики им не приходилось. Горькой иронией над призывами славянофильского учения к идейной самостоятельности русской общественности от государства звучали слова из письма разочарованного в своих усилиях славянофила Ю.Ф. Самарина: «Как это ни грустно, а нельзя не сознаться, что железная рука правительства спасает русскую мысль от гонения русского общества» [Самарин 1911: 385]. И уж совсем апокалиптическим для интеллигенции пророчеством звучат слова из другого его письма: «Впереди сближение власти и народа, при котором все промежуточное будет… раздавлено, а это вся грамотная Русь… все наше просвещение» [Цит. по: Кириченко 1989: 61].

Тем не менее, в пореформенный период в рамках славянофильского учения появились идеи, определяющие место и перспективы интеллигенции в России более позитивным образом. Речь идет о теории «общества», которую весной 1862 г. И.С. Аксаков изложил в своей газете «День». Согласно сформулированному в ней определению, «общество... есть та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание... Общество объединяет людей всех сословий, оно есть сила именно социальная и духовная, а не политическая» [Аксаков И.С. 1886:33]. Можно сказать, что «общество» - это социальный носитель рационального начала в жизни народа. Поэтому И.С. Аксаков не считал его особым слоем российского общества, а скорее видел в нем специфическую социально-культурную среду, которая не оторвана от народа, как «публика», а наоборот, неразрывно связана с ним и выражает его ценности и интересы. Объективно внесословное «общество» соответствует именно интеллигенции, хотя само это слово вызывало у И.С. Аксакова возмущение. Он считал, что историческая роль «общества» после отмены крепостного права состоит в том, чтобы сблизить народ и государство, установить и укрепить связь между ними.

Таким образом, положительная роль интеллигенции в будущей России по мысли И.С. Аксакова состояла в своеобразном духовном посредничестве, в гармонизации отношений власти и общества. А для этого сама интеллигенция должна быть менее привязана к власти, а вместо этого теснее общаться с различными слоями общества, не замыкаясь в себе.

Список использованной литературы

Аксаков И. С. Сочинения. - М., 1886. - Т.2. - 846 с.

Аксаков К. С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Очерк русской философии истории: Антология / РАН. Ин-т философии. – М., 1996. – С.165 – 177.

Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и комм. В.А. Кошелева. - М.: Искусство, 1995. - 526 с.

Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост. В.А. Котельников. - М.: Современник, 1984. - 383 с.

Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост. Ю.В. Манн. - М.: Искусство, 1979. - 439 с.

Кириченко О. А. Документы личных фондов об исторических взглядах славянофилов // Советские архивы. - 1989. - №1. - С.60-64.

Русская интеллигенция: история и судьба. – М.: Наука, 1999. – 423 с.

Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12 томах. – М., 1911. - Т.12. - 477 с.

Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. - М., 1911. - Т.1. - 404 с.